Плеханов

Как добиваться конституции

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА 4
П 675

У
82

[Плеханов, Г. В.]
х
ЦАЧ
п. 675
н-1368 у

Какъ добиваться конституціи?

(Разговор конституціоналиста с социаль-демократом:)

Конституціоналист. — Вы извините меня, но я не могу согласиться с вашим взглядом. Допустим, что он основательнѣе, чѣм взгляды наших революціонеров семидесятых годов. Я не хочу спорить против этого. Но и Вы повторяете ту же ошибку, и Вы начинаете с конца, между-тѣм как, право же, не мѣшало бы попробовать начать с начала. Я необсѣм не враг соціализма, но теперь у нас на очереди не соціальный, а политическій вопрос. Повалите абсолютизм, добейтесь политической свободы, а потом уже и говорите о соціализмѣ. Тогда это будет вполнѣ своевременно, а потому и не напрасно; теперь же Вы только даром тратите дорогія силы.

Соціаль-демократ. — Но что же мы должны дѣлать, по вашему мнѣнію, для того, чтобы добиться политической своб

Конституціоналист. — Перестать быть отщепенцами, сектами, постараться увлечь за собой все общество, показать что Вы вовсе не такіе свирѣпые разбойники, какими оно привыкло воображать Вас: что Вы, в сущности, хотите тог

1 лист

1 п. экз.

чего хочет оно само, чего хотят всѣ образованные и честные люди в Россiи, т. е. прав человѣка и гражданина. Тогда, повѣрьте, ваш успѣх будет обезпечен. Недовольство современным порядком распространено у нас гораздо сильнѣе чѣм Вы думаете, и знаете-ли, что я Вам скажу? Теперь мы сочувствуем конституцiи не так, как сочувствовали ей в прошлое царствованiе. Тогда мы все ждали, что вот-вот Александр II приступит к „увѣнчанiю зданiя", что вот не сегодня-завтра он подарит нам конституцiю. Александр III показал, как неосновательны и щаткии всѣ подобныя надежды на царскую милость. Теперь мы готовы бороться за конституцiю, между тѣм как тогда мы старались заслужить её добропорядочным поведенiем. Дѣло, как видите, измѣнилось, и измѣнилось в пользу революцiонеров. Не упускайте же благопрiятнаго случая, оставьте на время соцiализм и принимайтесь за политическую агитацiю.

С. — Я должен замѣтить Вам, что не понимаю вашего противоположенiя соцiализма политической агитацiи. Соцiализм немыслим без такой агитацiи. Посмотрите на западно-европейскiя рабочiя партiи, развѣ онѣ равнодушны к политической свободѣ? Напротив, политическая свобода имѣет в рабочих самых искренних и самых надежных защитников. Так же относятся к политической свободѣ и русскiе соцiалисты. Было, правда, время, когда они считали её буржуазною выдумкой, способной лишь сбить рабочих с толку и завести их на ложный путь. Но это отошло в область преданiя. В настоящее время всѣ мы пони-

маем огромное значеніе политической свободы для успѣховъ соціалистическаго движенія и готовы добиваться ея всѣми зависящими от нас средствами. Между нами много всяких разногласій и несогласій, но ищите хоть с діогеновским фонарем, и вы всетаки не найдете в нашей средѣ такого чудака, к҇рый вздумал бы говорить против политической свободы.

К. — Ну и прекрасно, значит, мы согласны: вы соціалист и в тоже время сторонник политической свободы, а прежде всего сторонник политической свободы, но в тоже время я совсѣм не враг соціализма. Что же мѣшает нам столковаться и стать под одно знамя?

С. — Многое, и главным образом ваше отношеніе к соціализму. Вы не враг соціализма, но вы думаете, что тѣ, к҇ые толкуют о нем в настоящее время, начинают дѣло с конца. Вы совѣтуете нам на время забыть о нем и, так сказать, прикомандироваться к либералам. Мы смотрим на дѣло совсѣм иначе, мы думаем, что, если бы наши либералы дѣйствительно хотѣли бороться за политическую свободу, то они, в концѣ концов, не могли бы придумать ничего лучшаго, к҇к пристать к соціалистам.

К. — Это нѣсколько неясно, но все равно, я всетаки достаточно понял вас, чтобы видѣть, к҇к несбыточно ваше желаніе.

С. Вы сами понимаете, значит, что полное согласіе между нами и либералами невозможно. Вы не предвидите конца нашим спорам, и потому говорите нам, к҇к нянька поссорившимся дѣтям: ну пусть уступит тот, кто умнѣе, я надѣюсь, что соціалисты будут умнѣе и уступят прежде, чѣм либералы.

— 3 л. —

К. – Вы шутите, а я говорю совершенно серьезно. Наши либералы в большинствѣ случаев совсѣм не принципіальные враги соціализма, и уже вовсе не враги рабочих и вообще народа. Они готовы отстаивать цѣлый ряд самых важных экономических реформ, но соціалистическія идеалы кажутся им неосуществимыми. Поэтому, приставая к соціалистам, они по необходимости должны были бы лгать и лицемѣрить. Вы же, примыкая к ним, нисколько не измѣнали бы своих воззрѣній, вы только выдвигали бы на первый взгляд одну часть Вашей программы, именно ту часть, к-ая заключает в себѣ Ваши политическія требованія. Будьте же справедливы, и согласитесь, что уступить должны именно Вы, а не либералы.

С. – Хорошо, допустим, что Вы убѣдили нас. Предположим, что Вы убѣдили нас соціалисты пришли к тому, что вы считаете первым признаком политической зрѣлости, т. е. к сознанію необходимости умѣрить свои требованія. Предположим, что всѣ они рѣшились бороться за политическую свободу и только за политическую свободу. Предположим также, что наше общество поняло и оцѣнило их умѣренность; что же вышло бы изо всего этого?

К. – Единодушіе в борьбѣ, без к-аго немыслима побѣда. Если бы всѣ сторонники свободы дѣйствительно съумѣли соединиться под одним знаменем, то они составили бы непреодолимую силу. Дни правительства Александра III были бы сочтены, и ему оставалось бы лишь заняться астрологіей, чтобы по звѣздам узнать близкій час своей гибели, как выразился когда-то Лассаль о прусском правительствѣ.

С. — Прекрасно. Предположите же теперь, что ваша мечта осуществилась, что исчезла пропасть, отдѣлявшая общество от революціонеров. Революціонеры примкнули к обществу, общество прониклось революціонерным духом. Началось широкое политическое движеніе, поддерживаемое нашей легальной печатью. Правительство запрещает либеральные органы, общество отвѣчает на это манифестаціями, в к-ых выражает свое сочувствіе пострадавшим газетам и журналам. В то же самое время правительству со всѣх сторон предъявляют петиціи, в к-ых с поразительной ясностью доказывается, что земля наша велика и обильна, а порядка в ней нѣт и не будет до тѣх пор, пока царь останется полновластным хозяином Россіи. Окружающіе царя самодуры совѣтуют ему употребить в дѣло „мѣры кротости и увѣщанія", под к-ыми понимаются, к-к извѣстно, кулаки дворников, полицейскія шашки и казацкія нагайки. Но подобныя мѣры только усиливают всеобщее раздраженіе. Терпѣніе русских людей приходит к концу; еще нѣсколько капель, и чаша будет переполнена; еще нѣсколько реакціонных безтакностей, и дѣло дойдет до открытаго столкновенія. Испуганное правительство соглашается на уступки, созывается земскій собор, вырабатывается конституція; русскій обыватель становится гражданином, и в нашей исторіи начинается новая эпоха... Хорошо было-бы пожить в такое время! И если бы мы могли хоть немного приблизить его своим превращеніем в либералов, то колебаться было бы нелѣпо и преступно. Мы не только могли бы с спокойной совѣстью, но мы обязаны были бы забыть обо всем на свѣтѣ, кромѣ этих двух слов: политическая свобода. Всѣ тѣ, к-

рые вздумали бы тогда говорить о соціализмѣ, были бы не друзьями, а врагами народа, п. ч. своим доктринерством они задерживали бы его политическое развитіе. Бѣда лишь в том, что в дѣйствительности дѣло обстоит совсѣм иначе; превратившись в либералов, соціалисты только замедлили бы дѣло политическаго освобожденія Россіи.

К. — Это каким же образом?

С. — Очень просто. Когда в нашем воображеніи рисовалась картина борьбы русскаго общества с абсолютизмом, мы предположили, что правительство вынуждено было к уступкам. Теперь я спрашиваю вас, насколько вѣроятно такое предположеніе? Иначе сказать, насколько велики шансы побѣды общества над правительством? Что понимается обыкновенно под словом — общество? Принадлежит ли к нему крестьянин, рабочій, мелкій городской мѣщанин и т. п.? Конечно, нѣт, не принадлежит. Мало того, не всякій крупный торговец, не всякій промышленник и землевладѣлец принадлежит к так называемому обществу. К нему, конечно, не может быть причисляем щедринскій Разуваев. Какіе же люди принадлежат к нему? Во первых, очевидно, не люди народа, а люди высших и средних классов, а во вторых, — люди, обладающіе хоть какою нибудь долею образованія, люди, умственный горизонт кых выходит за предѣлы их личных интересов. Много ли таких людей в Россіи? И могут ли эти люди побѣдить правительство одними только своими силами? Возьмите исторію Франціи, припомните исторію Германіи. Кто сражался на баррикадах в Іюлѣ 1830 гд., общество или народ? Кто сломил монархію Луи-Филиппа, рабочій класс

или буржуазія? Известно, что когда, в каждом из названных случаев, дело доходило до открытой борьбы, то либеральное парижское „общество“ не знало, куда деваться от страху. Не говоря уже о том, что огнестрельная музыка крайне неприятно действовала на его нервы, оно боялось победы правительства и связанных с нею репрессалій, боялось и победы рабочих, п. ч. опасалось, к'к бы волна рабочаго движенія не унесла вместе с правительством и самого общества. Луи-Блан разсказывает, что когда начался уличный бой в Феврале 48 г-а, то перепуганный Тьер прибежал в палату депутатов и, воскликнув: „Ça marée monte, monte, messieurs“, немедленно скрылся. Только после окончательнаго пораженія правительства, и убедившись в мирных намереніях рабочихъ, представители „общества“ выходили из своих убежищ и принимались организовать новый порядок. Изо всех слоев, составляющих так называемое общество, или находящихся в близкой родственной связи с ним, только студенчество да так называемая богема (то же, что наш брат нигилист) имели мужество становиться лицом к лицу с вооруженной силой правительства. Только они умели сражаться на баррикадах, но и они несомненно были бы усмиряемы без малейшаго труда, если бы за ними не шла рабочая масса. Тоже самое мы видим и в Германіи. Все революціонныя попытки немецкой молодежи к[illegible]ались полнейшей неудачей, вся оппозиція так называемаго общества не приводила ни к чему до тех пор, пока не проснулось городское рабочее населенье. Это значит, что общество безсильно без поддержки народа или, по крайней мере, наиболее

развитой, наиболѣе революціонной части народа, т.е. рабочих. И в самом дѣлѣ, вообразим себѣ, что петербургское „общество", проникшись революціонным духом, строит баррикады, между тѣм кк рабочій класс остается в сторонѣ от этого движенія. Одной полиціи, одних дворников было бы достаточно для того, чтобы перевязать представителей „общества" и разсадить их по участкам. Отсюда неизбѣжно слѣдует такой вывод: „для того, чтобы добиться конституціи, мы должны вовлечь рабочій класс в борьбу против абсолютизма, возбудить в нем симпатіи к свободным политическим учрежденіям. Другого пути у нас нѣт и быть не можетъ.
Я знаю, конечно, что сами либералы никогда не сдѣлаются пропагандистами, и не виню их за это. Но, с другой стороны, изо всего сказаннаго ясно, что приглашая соціалистовъ оставить на время всякую мысль о пропагандѣ в рабочей средѣ, наши либералы обнаруживают полное непониманіе своих собственных интересов. Политическая свобода будетъ завоевана рабочим классом, или ея совсѣм не будет.
К. — В том, что Вы сказали, много справедливаго, но мнѣ кажется, что Вы забываете многія особенности положенія дѣла в Россіи.
[illegible] — Какія же именно?
К. — Во первых, если парижское общество 1830 г. и 1848 г. боялось, кк Вы сказали, побѣды народа, то это происходило потому, что оно было уже насквозь проникнуто буржуазным духом. Наше общество [illegible] таково, оно не боится народа, [illegible] совершенно искренно отстаивает его интересы...
С. — [illegible], с нашим либерализмом дѣло обстоит на этот счет

далеко не так благополучно, как Вам кажется. Я без труда мог бы доказать Вам, что не только русскій либерализмъ, но даже и так называемый русскій соціализм в сущности стоит в противорѣчіи с интересами рабочаго класса, по той простой причинѣ, что он выражает собой интересы нашей мелкой (конечно не кулацкой,) буржуазіи. И это противорѣчіе, скрытое теперь в туманѣ неопредѣленных представленій об истинѣ, справедливости и народном счастіи, рано или поздно даст себя почувствовать самым недвусмысленным образом. Кое какіе признаки такого положенія дѣл можно подмѣтить уже и в настоящее время. Как Вы думаете, почему „Самоуправленіе", называющее себя органом „соціалистов-революціонеров", считает „путь народной революціи едва ли пригодным"? Почему оно ставит „городскую революцію" на одну доску с революціей „дворцовой", и думает, что городская революція может как и дворцовая, привести к нежелательным результатам, к замѣнѣ „одной деспотіи другою"? Дѣло объясняется очень просто. „Самоуправленіе" знает, что городская революція означала бы побѣду городскаго рабочаго населенія, и оно боится этой побѣды, так же, как боялось и боится ея парижское „общество". Но какіе же соціалисты могут бояться побѣды рабочаго класса? Ясно, что только мелко буржуазные [illegible], принципіальные враги освободительнаго движенія пролетаріата. Вот Вам и пресловутый „русскій соціализм"! Но не будем уклоняться от главнаго предмета нашего спора, положим, что я ошибочно смотрю на русских соціалистов и либералов; что же из этого? Следует ли из [illegible]

будто бы столь сочувствующее интересам рабочих, может обойтись без поддержки этих послѣдних?
К. — Я, конечно, сказал бы — нѣт, если бы думал, что конституціонное движеніе в Россіи пойдет тѣм же путем, каким оно шло на Западѣ. Но дѣло в том, что у нас конституціонная борьба навѣр[illegible] до баррикаднаго боя на улицах. Правительство уступит раньше под напором общественнаго мнѣнія.
С. — Опять русская самобытность, на этот раз под конституціонным соусом! Когда-то русскіе соціалисты-народники думали, что соціалистическую революцію легче сдѣлать въ Россіи, чѣм на Западѣ. Теперь я слышу от Вас, что Россія добьется политической свободы с меньшим трудом, чѣм добивались ея западно-европейскія государства. Кажется, русское правительство до сих пор не давало повода до такой степени лестно думать об его уступчивости. Оно, конечно, уступило бы Вам, если бы за Вами, или вообще за противниками абсолютизма, шла народная масса. Иначе всякая уступчивость с его стороны была бы совершенно необъяснимой. Посмотрите на Англію, пользующуюся репутаціей страны мирнаго прогресса. Прослѣдите хоть исторію либеральной лиги против хлѣбных законов, и Вы увидите, к[а]к. хорошо сознавала добившаяся мирной уступки англійская буржуазія необходимость заручиться помощью рабочаго класса, к[а]к. настойчиво она, иногда, прямо бунтовала рабочих. Если Ричард Кобден грозил англійским лордам разрушеніем их замков, то само собою понятно, что не буржуазію разсчитывалъ он в дѣлѣ такого разрушенія. И Кобден, и

Брайт, и все их товарищи прекрасно знали, что добиться от парламента уступок они могут лишь с помощью давленія извнѣ, „pressure from without," и что для этого давленія необходимы сильныя руки рабочих. Так было во всѣх тѣхъ случаях, когда англійское правительство уступало напору общественнаго мнѣнія. Исторія Англіи болѣе, чѣм исторія какой бы то ни было другой страны, подтверждает справедливость стараго правила: если хочешь мира, готовься к войнѣ. Вы же поступаете как раз обратно этому правилу. Вы проповѣдуете крестовый поход против правительства, вы приглашаете соціалистов на борьбу с ним, и в тоже время сами видите, что вы можете побѣдить только в случаѣ его особеннаго миролюбія. Вы хотите начинать борьбу, прекрасно зная, что у Вас нѣт сил, для рѣшительной битвы! Знаете ли, что напоминает мнѣ такая оригинальная агитація? Чтобы устрашить непріятеля, китайцы рисуют на своих щитах драконов и разных других чудовищ. Они хорошо знают, что эти чудовища не нанесут убийственнаго вреда непріятелю, но они надѣются, что непріятель, может быть, испугается и уступит им поле битвы. А если непріятель не испугается, если он не уступает этого поля? Тогда сынам Небесной Имперіи оставалось бы уповать на быстроту своих ног, если бы они отличались свойственным вам простодушіем. Но они хитрѣе Вас и на всякій случай все-таки запасаются оружіем.

К. — Напрасно Вы иронизируете и напрасно безпоко

...... Трудъ нанести последній ударъ нашему правительству возьмутъ на себя не петербургскіе рабочіе, и, конечно, не вооруженное общество. Объ этомъ позаботятся заграничные капиталисты. Известно, что наши финансы находятся при последнемъ издыханіи. Одного этого обстоятельства можетъ быть достаточно, чтобы сломить упорство царя. Обанкротившійся деспотъ уступчивъ поневоле. А такъ какъ, кроме того, Александръ III далеко не осмотрителенъ во внешней политике, то вероятность его банкротства еще более возрастаетъ. Если севастопольское пораженіе вынудило правительство освободить крестьянъ, то новый военный погромъ, наверное, заставитъ его дать конституцію.

С. Словомъ, Вы надеетесь, что конституцію принесутъ вамъ на своихъ штыкахъ прусскіе и австрійскіе солдаты? Вообще говоря, въ этомъ нетъ ничего невозможнаго. Вопросъ только въ томъ, какова будетъ эта конституція? Вы помните, конечно, что финансовыя и между-народныя затрудненія вынудили когда-то турецкаго султана подарить своимъ подданнымъ конституцію. Но что же вышло изъ этой комедіи? Ровно ничего. Дело кончилось темъ, что все просто позабыли о ней: и граждане и правительство. Хотите-ли вы турецкой конституціи? Возлагайте свои упованія на силу вещей, на международныя и финансовыя затрудненія. Хотите конституціи настоящей — вербуйте настоящую армію для борьбы съ абсолютизмомъ.

К. — Но позвольте, французская пословица справедливо говоритъ, что comparaison n'est pas raison. Это въ особенности [illegible] въ томъ случае, когда сравниваются вещи совершенно ...

несравнимыя и несоизмѣримыя; Россія не Турція. Если турецкая конституція отцвѣла не успѣвши расцвѣсть, то отсюда еще не слѣдует, что такая же судьба постигнет и русской конституціи. Пусть только раз соберутся представители русской земли и тогда возстановленіе абсолютизма будет также невозможно, как невозможно теперь возстановленіе крѣпостного права.

С. — Вы, в свою очередь, что comparaison n'est pas raison. Из всѣх реформ прошлаго царствованія освобожденіе крестьян есть дѣйствительно самая прочная, или лучше сказать, единственная прочная реформа. У крестьян нельзя уже взять назад их гражданскую полусвободу, между тѣм как наше современное правительство без труда может уничтожить все, сдѣланное Александром II во всѣх других сферах нашей внутренней жизни. Чѣм объяснить такое различіе? Тѣм, что народ был непосредственно заинтересован в уничтоженіи крѣпостнаго права, между тѣм как всѣ другія реформы имѣли лишь косвенное, а иногда весьма сомнительное для него отношеніе к его благосостоянію. С самаго начала нынѣшняго столѣтія ежегодно возрастало число крестьянских бунтов, так что Александр II должен был сказать себѣ: „освободим крестьян сверху, чтобы они не освободили себя снизу." Создайте подобное же движеніе в народѣ в пользу конституціи, заставьте Александра III дать вам политическую свободу в силу того же соображенія, которое заставило Александра II освободить крестьян, и тогда сравнивайте конституціонный вопрос с вопросом об уничтоженіи крѣпостного права, тогда ваше срав-

нія будет умѣстно и убѣдительно. Но пока за вами не будет народной массы, до тѣх пор всѣ подобныя сравненія будут лишь оттѣнять Ваше собственное безсиліе. Против возстановленія крѣпостнаго права поднялся бы весь народ, как один человѣк. Но если Вам не удастся разбудить стремленіе к политической свободѣ по крайней мѣрѣ в наиболѣе передовой части народа, т.е. промышленных рабочих, то с русской конституціей дѣло будет обстоять иначе. Оно может принять такой оборот. Правительство даст Земскому Собору время уплатить государственные долги и найти новые источники обложенія, а затѣмь в наше Національное Собраніе явится будочник Мымрецов и провозгласит: „пожалуйте вон, господа депутаты, будетъ Вам прохлаждаться, мы не допущаем, чтобы, напримѣръ, шум." Изгнавши, таким образом, „представителей русской земли" из зданія парламента, тот же будочник вывѣсит на нем объявленіе: „сіе зданіе отдается в наем," как написал когда-то Кромвель на англійском парламентѣ. Что сдѣлают тогда „представители русской земли"? Найдут ли они залу jeu de paume и принесут клятву не расходиться пока не обезпечат своей странѣ политической свободы? Но вѣдь будочник Мымрецов послѣдует за ними и в эту залу и, раздраженный их упорством, он примется водворять господ депутатов в „кутузку". Кто может помѣшать такой расправѣ. Не правда ли городскіе рабочіе и только рабочіе? Если на защиту собравшихся в Петербургѣ или в Москвѣ „представителей русской земли" двинется много[illegible] рабочее населеніе столичных предмѣстій, то ис-

ход подобных р[illegible]ціонных попыток правительства станет по меньше [illegible] мѣрѣ сомнительным. Заручайтесь же симпатіей [illegible]х предмѣстій теперь, п. ч. взывать к ним в то время, [illegible]гда ваш „шиворот" очутится в руках Мымрецова, б[illegible]т [illegible] поздно.

К. — Все это, [illegible]онечно, справедливо, но в то же время кра[illegible] [illegible], при всей своей справедливости. Изо все[illegible] [illegible]о сказ[illegible] [illegible] слѣдует только одно, а именно, что [illegible]рудно и представить, пока, наступленіе такого времени, когда дѣлу свободы на Руси перестанут угрожать опасности. Это мы должны знать и помнить. Но отсюда до вашей программы еще очень далеко. Я буду говорить прямо. Приняв вашу программу, наши революціонеры не устранили бы грозящих свободѣ опасностей; они просто забыли бы о них, к[illegible] [illegible] самой свободѣ; они отдались бы дѣлу, единственное преимущество к'аго заключается в том, что оно не противорѣчит нѣкоей маленькой доктринкѣ к'ая сама противорѣчит всему складу русской жизни. Подумайте, в самом дѣлѣ, много ли у нас промышленных рабочих? Велико-ли населеніе наших городов? Ведь это капля в морѣ, она сама по себѣ ничтожна, но у Вас нѣт возможности повліять даже на эту каплю в ся цѣлом. Вы можете придти в соприкосновеніе с безконечно малой частью капли, с одной только молекулой, и Вы воображаете, что наэлектризовавши эту молекулу, Вы взволнуете океан, вызовете цѣлую бурю на морѣ? Что может [illegible]ыть фантастичнѣе этой программы?

С. — В[illegible] начинаете сердиться, а это уже не хорошо. Если

нѣмецкой поговоркѣ, „гнѣвъ дѣлаетъ поэтовъ", то серьезн-
аго политика скорѣе способно вырабатывать спокойное,
хладнокровное разсужденіе. Посмотрите. В своемъ гнѣ-
вѣ вы уже зашли гораздо дальше, предположенной ва-
ми цѣли. Вашъ доводъ обращается противъ васъ самихъ. Авс-
тралійскіе негры такъ умѣютъ кидать свои бумеранги, что
и описавъ въ воздухѣ кривую линію, падаютъ къ ихъ ногамъ.
Съ вашимъ доводомъ случилось нѣчто подобное, съ тою толь
ко разницею, что в своемъ возвратномъ движеніи онъ сбилъ
васъ с ногъ. Если я вѣрно понялъ смыслъ вашей филиппики,
то она сводится къ слѣдующему: программа соціаль-де-
мократовъ фантастична, т.е. противорѣчитъ экономическ
имъ условіямъ Россіи. В исключительно земледѣльческой,
крестьянской странѣ она хочетъ создать такую политичес
кую партію, существованіе к-ой возможно лишь в про
мышленно-развитыхъ странахъ. Вы указываете на это несо
отвѣтствіе, хорошо понимая, повидимому, что политическая
жизнь данной страны находится в тѣсной зависимости
отъ ея экономическаго строя. Нѣтъ ли, марксисту, возста-
вать противъ справедливости такого взгляда? Я подпи-
сываюсь подъ нимъ обѣими руками. Но я прошу Вас взгля-
нуть с этой же точки зрѣнія на ваши собственные поли-
тическіе планы. Я спрашиваю Вас, возможно ли само кон
ституціонное движеніе в такой экономически патріарха
льной странѣ, какою Вы считаете Россію? Возражая
[illegible] Нас, всѣ вы ссылаетесь на русскаго мужика; му-
жикъ является в вашемъ представленіи несокрушимой пло-
тиной, о которую [illegible] разбиваются всѣ волны западно —

...пропонее то рабочію; В... [illegible] ...

о [illegible] что эта плотина дѣйствительно так прочна, к[illegible] вы воображаете. Тогда наше дѣло становится безнадежным [illegible] ...итом в гораздо большей степени, [illegible] ...руждается безнадежность и вашего дѣла. Если русский [illegible] крестьянин не способен увлечься соціаль-демократической программой, то еще менѣе способен он [illegible] ...ся к участію политической [illegible] ко начиналось образованіе больших государствъ, земледѣльч[illegible] общины с их патріархальным бытом служили самой прочной основой деспотизма. [illegible] с разложеніем [illegible] патріархальнаго быта и с развитіем городского населенія появля[illegible] силы, способныя положить предѣл неограниченной [illegible] монарха. Россія не составляет исключенія из этого общаго правила. Ея московскіе и петербургскіе самодержцы были естественным дополненіем ея экономическаго строя, который характеризовался полным преобладаніем деревни над городом. Когда же, [illegible] поставлена в условія европейскаго равновѣсія, Россія обязана была, под страхом потери всяк[illegible] политическаго значенія, усвоить себѣ [illegible] долю европейскаго образованія. Она нуждалась в образованных офицерах и чиновниках. Неудивительно, что с проникновеніем в нее европейскаго образованія в ней появлялись [illegible] ...іе политическіе взгляды европейцев, и сознавшіе [illegible] безобразіе русскаго царизма. Но эти люди не могли играть серьезной политической роли. Они были людьми [illegible] ...станными, безпомощными, [illegible] время и прежде всего, они были лишены людей [illegible]

47368

полном смысле этого слова, людьми, все умственные и нравственные навыки которых стояли в полном противорѣчіи с русской дѣйствительностью. Им оставалось — или впадать в пессимизм Чаадаева, или затрачивать свои умственныя силы на бесѣды над столичными и провинціальными барышнями или умирать на парижских баррикадах, или, наконец, „пить горькую" у себя дома. Вы прекрасно знаете, что в прежнее время такие лишніе люди в изобиліи существовали на Руси. Теперь говорят, что этот тип отжил свой век. Мы охотно вѣрим этому, но вѣрим потому, что наш старый порядок разломался, деревня утратила свое преобладаніе над городом, у нас появилась буржуазія и рабочій класс. Это подтверждается всѣм изслѣдованіем русскаго народнаго хозяйства. Абсолютизм приходит в противорѣчіе с нашею экономическою дѣйствительностью. Теперь его противники уже не лишніе люди. Они могут бороться против него с надеждой на успѣх. Один нѣмецкій писатель замѣтил, что славянскіе народы, представляют собою нѣчто среднее между европейскими и азіатскими народами. Это совершенно вѣрно в примѣненіи к Россіи. Она дѣйствительно, только отчасти, только теперь европейская страна, и становится ею лишь постольку, поскольку исторія отрицает старыя основы ея экономическаго быта. Только по мѣрѣ этого отрицанія Россія входит в культурное родство с Европой, вступает на путь европейскаго образованія в лицѣ значительной части своего трудящагося населенія, а не составляет только горсти своей „интеллигенціи", как это было прежде. Таким образом, с нашей точки зрѣнія русскій конституционализм пріобрѣтает смысл и оправданіе. Но если это так, то

гдѣ большій смыслъ получаютъ русскіе соціалъ-демократическіе [illegible]. Между тѣмъ, все то, что разумѣетъ вашъ взглядъ на экономическое положеніе Россіи. Должны признать, что всякіе толки о конституціи представляютъ собою переливаніе изъ пустого въ порожнее. Въ такомъ случаѣ правы наши охранители, которые на всѣ голоса кричатъ, что конституціонный режимъ противорѣчитъ духу русскаго народа. И вы называете насъ фантазерами? Но если мы фантазеры, если мы, по вашему выраженію, оперируя надъ атомами и молекулами, хотимъ вызвать бурю на морѣ, то вы просто соціальные чудотворцы, т. к. ваше ожиданіе хоть какой нибудь конституціи, ваше политическое нѣчто основывается на голомъ экономическомъ ничто. Вы приписываете себѣ такую силу, какую философы [illegible] всегда [illegible] приписывать [illegible] [illegible]. [illegible] что творческая дѣятельность [illegible] заранѣе предполагаетъ существованіе матеріи.

К. — Не волнуйтесь. Я не намѣренъ вдаваться съ вами въ экономическіе и философско-историческіе споры. Я допускаю, что нашъ экономическій бытъ не таковъ, какимъ изображаютъ его наши народники. Можетъ-быть, наши русскіе [illegible] не способны сыграть большую роль въ нашей общественной [illegible] жизни. Но [illegible] къ [illegible]. Вы пугаете насъ [illegible] [illegible], но пока-то онъ еще соберется взять насъ за шиворотъ, вашъ собственный [illegible] уже держитъ васъ въ своемъ кулакѣ. Разгонять парламентъ [illegible] придется, можетъ-быть, въ будущемъ, а пока же [illegible] и къ сожалѣнію, съ большимъ успѣхомъ занимается [illegible]. Мнѣ не разъ случалось бесѣдовать съ революціонера

[illegible] единогласно говорят, что пропаганда среди рабочих не возможна по чисто полицейским причинам.

С. — Революционеры говорят вам, что пропаганда среди рабочих невозможна? А попытались ли вести ее беседовавшие с вами революционеры? Если бы вы задали им такой вопрос, то из 100 случаев в 99 вам ответили бы: „Нет, я сам ее не вел, но я слышал от одного верного человека, который в свою очередь слышал от [illegible] не менее верного человека, слышавшего от самого верного человека, что тому говорили, будто кто-то сказал, что пропаганда невозможна.“ Поверив друг другу на слово, все эти „верные люди“ совершенно махнули рукой на рабочий класс и теперь [illegible], лишь бы не в рабочую среду, готовы [illegible] под какими угодно „программами“ лишь бы эти [illegible] не [illegible] на необходимость пропаганды среди рабочих. Это, конечно, их дело, но [illegible] вам, что [illegible] противоречит [illegible] нашего революционного движения. Пропаганда среди рабочих [illegible] не потому, что бы она была [illegible] а потому, что время было время расцвета нашего [illegible], потому что наши революционеры увлекались „террором“ [illegible] пропаганды [illegible]. Наши тогдашние революционеры террористы рассчитывали на свои собственные силы. Опыт показал, что [illegible] недостаточно для победы над абсолютизмом. [illegible] теперь наши революционеры ищут себе союзников, но [illegible] в рабочей среде, они обращаются к так [illegible]

[illegible]

от них, что наш престарѣлый „прирожденный соціалист". Теперь то же „прирожденное" свойство открыто и в русском обществе: подобных людей не мало [illegible] было. [illegible] члены нашего общества дѣйствительно были прирожденными и убежденными коммунистами, [illegible], как я уже говорил вам раньше, они представляли из себя не больше, как штаб без армии, и чтобы образовать армию, им все таки пришлось бы пропагандировать среди [illegible]. Вы, может, думаете, что пропаганда невозможна при современных условиях. Трудно всякое дело, если только не хотеть его сделать, легко всякое дело, за которое мы беремся с полным убежденiем в его выгодности и пользы и необходимости. Трудно было взорвать Зимний Дворец, а между тем начинили же динамитом один из его подвалов. Некоторым и трудностей пропаганды среди рабочих, свойственны ей в такой же мере, как и всякой другой революционной пропагандѣ, все равно среди кого бы она не велась. Так например, полиція с одинаковой энергіей преследует тайныя типографіи, не справляясь печатаются ли в них воззванія к обществу или к рабочим. Одинаково же трудно, или если хотите, одинаково легко перевозить запрещенныя книги через границу, независимо от того, предназначаются ли эти книги для „общества" или для рабочих. Вы конечно, знаете что легко распространять такія книги в обществѣ, [illegible] рабочей среды [illegible] движения. [illegible] пропаганда в крестьянстве и между рабочими — в огромном большинстве случаев по[illegible] не сама эта пропаганда, а то [illegible]

ности, к[ото]рым совершались пропагандистами при посторонних сно-
шеніях, т.е. при переписке, при посещеніи так называемых кон-
спиративных квартир и т.п. Процент арестованных „на дѣлѣ" сов-
сѣм ничтожен. Общество „Земля и Воля" вело, например, очень
усиленную пропаганду между рабочими больших городов. За
нѣсколько лѣт своего существованія это общество понесло силь-
ныя потери, но едвали хоть одну из них можно отнести на-
посредственно насчет рабочей пропаганды. Можно сказать болѣе.
Благодаря разумной организаціи этого дѣла, общество „Земля
и Воля" просто не знало, что такое потери на пропагандѣ среди
рабочих. Наибольшей опасности подвергались тѣ из его членов,
к[ото]рые вращались в „интеллигентной" средѣ, т.е. именно там,
гдѣ приходится вращаться теперь революціонерам, отрицаю-
щим возможность пропаганды среди рабочих. Я не думаю, что
указанная опасность уменьшится, если мы превратимся в прос-
тых конституціоналистов. Молодым людям, принимавшимся за
пропаганду в 80-х годах, часто приходилось встрѣчать, правда,
весьма большія трудности, но эти трудности цѣликом должны
быть отнесены насчет их практической неопытности и отсутст-
вія строго выработанной организаціи. Эти два обстоятельства
давали им чувствовать себя во всем: при заведеніи тайных ти-
пографій, при террористических попытках и т.д. Мнѣ никогда
не приходило в голову утверждать, что для пропаганды среди рабо-
чих не нужно опытности; но вѣдь опытность дѣло наживное. Она
пріобрѣтается практикой, и по мѣрѣ ея пріобрѣтенія уменьшают-
ся и тѣ трудности, к[ото]рые приходится преодолѣвать сначала.
II. — Но еще, повторяю Вам, при современных условіях вся та
дѣятельность [illegible] самым [illegible] ра-
[illegible]

рам, а выработке отдельных личностей, и много-много к организаціи небольших рабочих кружков. Рабочія массы останутся незатронутыми пропагандой, а между тем все ваши доводы въ ея пользу предполагают именно вліяніе на массу.

С. — Я не говорю, что теперь можно было бы устраивать открытыя рабочія собранія в Москвѣ или Петербургѣ. Пропаганда велась бы, конечно, в тайных кружках, а слѣдовательно вліяла бы лишь на небольшія группы лиц. Но через посредство этих лиц ея вліяніе необходимо распространялось бы на массы. Тогда пропаганда становилась бы уже агитаціей. Что такая агитація возможна, — это указывается, между-прочим, исторіей наших стачек. Возьмем хоть знаменитую стачку на фабрикѣ Морозова. Нѣсколько „отдельных лиц“, Волков, Моисеенко и другіе, стали во главѣ „целых тысяч рабочих“, руководя ими во всех столкновеніях с полиціей и фабричной администраціей. Владимірскаго губернатора в особенности обижало то обстоятельство, что между тем как рабочіе не обращали никакого вниманія на его слова, они безусловно повиновались своим вожакам. Вот вам и вліяніе на массу! Чтобы оно не осталось мимолетным, Волкову и Моисеенку нужно было лишь обобщить требованія рабочих, выяснить им общій характер их отношеній к хозяевам и правительству. А раз зашла рѣчь об отношеніях к этому последнему, то вот вам уже и повод для политической агитаціи. Желябов на Воронежском съѣздѣ утверждал, что в Россіи каждая стачка есть не столько экономическое, сколько политическое событіе, т. к. во всех стачках рабочій больше всего терпит от полицейских притѣсненій. Поддерживать рабочих в таких случаях, говорил он, значит уже все-

[illegible]

ти политической агитаціи. И в самом дѣлѣ. Преслѣдуемые полиціей, рабочіе не могут оставаться глухи к тому, что бы стали им говорить о свободѣ сходок, собраній, союзов, о неприкосновенности лица и жилища. Кто, кто хоть немного знает русских рабочих, знает также, до какой степени глубоко врѣзывается в их умы всякая общая мысль, всякое общее положеніе, наглядно освѣщенное и подкрѣпленное такими выдающимися событіями, как стачки и вообще столкновенія с хозяевами и полиціей. Рабочіе уже не забывают их, и при случаѣ сами повторяют, нерѣдко в очень наивной, но тѣм не менѣе весьма убѣдительной для них собственной формѣ.

Наша так называемая интеллигенція убѣждена, что для нея, при настоящих условіях, невозможно вліяніе на рабочую массу [illegible] особенно [illegible] как сказать, осо[illegible] распространены в народѣ предубѣжденій по отношенію к студентам, т. е. к революціонерам. Наш крестьянин считает революціонера противником не только царя, но и народа. Такой взгляд на студентов был [illegible] распространен и между петербургскими [illegible]ами. Прошло нѣсколько лѣт, и дѣло измѣнилось, благо[illegible] пропагандѣ так называемых „студентов" в петербургских [illegible] [illegible] факт [illegible] одной небольшой [illegible] за Нарвской заставой отправила [illegible] к [illegible] студентам, которые им [illegible] [illegible] сдѣлать стачку [illegible] стала оши[illegible] в сту[illegible]ентах врагов царя, стала в то же время видѣть в них [illegible] защитников их собственнаго дѣла. [illegible]

[illegible]сму стачки на фабрикѣ Морозова выяснилось, что рабочіе назы-
вали одного из своих вожаков „студентом"; на вопрос предсѣда-
ля, почему они дали ему такую кличку, подсудимые отвѣчали: „
очень уж умен и за нас стоит крѣпко." Мнѣ кажется, что подоб-
ные факты не подтверждают мысли о невозможности вліянія
интеллигенціи на рабочую массу. Если бы у нас началось како[е]-
нибудь политическое движеніе, то рабочіе морозовской фабрики
вѣроятно откликнулись бы на призыв „студентов", которые по их
мнѣнію, очень умны и „крѣпко стоят за них". А какія личности
вырабатываются теперь в рабочей средѣ, представляющейся
нашей интеллигенціи средою тьмы, забитости и невѣжества,
также показала вышеназванная стачка. Если бы я не знал, что
предо мною стоит рабочій, ежедневно проводящій 15 часов
у ткацкаго станка, говорит об одном из послѣдних корре-
спондент одной из московских газет, то по развитости его
[illegible], по языку и по манерам, навѣрное, принял бы его
за интеллигентнаго человѣка. Названный корреспондент с
удивленіем констатировал появленіе у нас совершенно ново-
го типа интеллигентнаго рабочаго. Появленію этого типа не ма-
ло способствовала наша интеллигенція, способствовала не смот-
ря на то, что у нея никогда не было правильнаго взгляда на
цѣль пропаганды среди рабочих. Проникнутые народнически-
ми предразсудками, наши революціонеры постоянно стара-
лись [illegible] до того, чтобы увѣрять их в том, что
будто рабочій класс в Россіи не имѣет ни малѣйшаго зна-
ченія, что у нас главное — крестьянин, что крестьянская мас-
са [illegible] в себѣ все добродѣтели, между тѣм как рабочій раз-
вращен [illegible]

[illegible] рабочих. Это называлось пропагандой, на такую-то пропаганду революционеры других фракций ссылаются в своих спорах с социал-демократами, говоря, что еще до появления этих последних у нас было обращено внимание [illegible] на городских рабочих. Но и эта пропаганда [illegible] работника принесла, к их [illegible] плоды. Жизнь [illegible] буржуазии [illegible] рабочим народникам. Раз затронутый пропагандой, рабочий сам додумывался [illegible] граммы, соответствующей его классовому положению. [illegible] иногда [illegible] революционеры оказывались в положении курицы, выси- [illegible]. Когда образовался „Северно-русский Рабочий [illegible]" общество „Земля и Воля" с ужасом увидело в [illegible] требование политической свободы, и в од- [illegible] номеров своего журнала прочитало им нотацию за [illegible] буржуазные стремления. В 5 нум. этого жур- [illegible] помещен [illegible] их, где они говорили, что они [illegible], что рабочее движение без полити- [illegible] свободы невозможно и что политические права [illegible] для достижения их эк- [illegible] целям. Как видите, история курицы, высидев- [illegible] утят [illegible] опасности. Маменька [illegible] верила утятам, а теперь, [illegible], как было дело, эта легкомысленная птица [illegible] утверждает, что [illegible] эта вовсе неспособны к плаванию. Подумайте, к каким

[illegible]

Андр. и [illegible] не уничтожала [illegible] с[illegible]нія ра-

[illegible], и [illegible] дала бы [illegible], что [illegible]

камень, на котором воздвигается церковь настоящаго.

Б. — Нет, батюшка, вы неисправимы. Я вижу, что сколько ни спорь с вами, вы все-таки останетесь врагом женск[illegible] [illegible]ціоннаго движенія.

С. — Из сказаннаго мною совсем нельзя сделать подобнаго вывода. Вы должны были видеть, напротив, что я конституціоналист, только на свой, соціалистическій манер. По моему мненію, борьба за политическую свободу должна быть первым шагом рабочаго движенія в России.

Б. — А вы [illegible] признаете [illegible]
[illegible] на фабрике [illegible], что сам [illegible]" [illegible]
[illegible] соціальн[illegible] [illegible]".

С. — Понятно, что, не принимая [illegible] буржуазіи, я при[illegible] у нас никогда не [illegible] в [illegible]. Русское самодержавіе представляет собою самое [illegible], что я не [illegible] [illegible] в тех [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] конституціонных стре-мленій. Можно даже с уверенностью сказать, что та[illegible] люди существуют: [illegible]-полицейская шай-ка наверное и там успела навязать своих тайных пр[illegible]-ков. Но какой же сумасшедшій будет советовать этим [illegible]" конституціоналистам [illegible]

...что между рабочими запрещенныя книжки? Точно также [illegible] у нас мысль о пропагандистах из среды земских и [illegible] учителей и тому подобных лиц, что касается с по[illegible]. И говорил о революционерах в собственном смысле этого слова, о тех разночинцах-пролетариях, к[отор]ые в семидесятых годах ходили в народ, пополняли собою ряды „сектарей" и террористов. Они должны идти в рабочую среду, т.к. это их дело и т.к. у них нет другого, более плодотворнаго дела в настоящее время. Нетрудно представить себе, какую комическую роль пришлось бы играть нашему „революционеру-разночинцу" в гостинных наших чиновных конституционалистов, к[отор]ые, впрочем, наверное не захотели бы иметь с ним никаких политических отношений. Точно также можно с уверенностью сказать, что он не имел бы [illegible] успеха и в „обществе" в собственном смысле этого слова. Самое много, если бы он встретил там покровительственно-снисходительное отношение, как к человеку, правда, [illegible] горячему и „красному", но за то очень [illegible]. Вообще, если бы наш разночинец-революционер действительно взялся за пропаганду в обществе, о к[отор]ой он теперь так сильно поговаривает, то он частью очутился бы в положении лермонтовских молодых людей, [illegible] аристократических гостинных, куда их, по выражению Лермонтова, не пускали; частью же должен был бы убедиться в полной безполезности принятой им роли. [illegible] сказать [illegible] этому обществу? Что наше правительство никуда не годится? Это давно уже все знают, а в настоящее время, [illegible] знает уже и само

правительство. Или, может быть, он сообщил бы своим слушателям ту новую мысль, что от полицейскаго произвола много терпит русскій обыватель? Или он стал бы доказывать преимущество представительнаго правленія? Но какой же сознательный человек в Россіи не знает этих преимуществ? Наши университеты ежегодно выпускают сотни молодых людей, которые под страхом полученія единицы, должны были изучить всѣ прелести „правового государства“. Наша бѣда, т. е. бѣда всѣх противников абсолютизма заключается не в том, что мы не знаем преимуществ конституціоннаго режима, а в том, что мы никак не можем его добиться: видит око, да зуб неймет. И пособить этому горю можно только одним путем: измѣняя соотношеніе наших общественных сил в пользу политической свободы. Но я уже говорил Вам, что для такого измѣненія необходимо содѣйствіе рабочаго класса.

К. — Итак, мы договорились теперь, если я не ошибаюсь, вот до чего: общество безсильно в борьбѣ против правительства. Всѣ наши надежды должны основываться на рабочих. Поэтому безполезна всякая агитація в обществѣ. Мы должны оставить всякую мысль о самостоятельном движеніи с нашей стороны, и просить нашу революціонную молодежь, как можно скорѣе подготовить рабочих для борьбы с абсолютизмом. Если она послушает нас, то дѣло политической свободы будет выиграно, если же нѣт, — то абсолютизм останется непобѣдимым.

и [illegible] всего для этой [illegible], и прежде [illegible] рабочих [illegible] существовал[illegible] не только [illegible] власти, [illegible] прирожденных классов в России. [illegible] выступ[illegible] [illegible] на путь [illegible] среди ра-бочих, [illegible] интересов [illegible], она [illegible] сама [illegible], какова [illegible] она [illegible], что [illegible] конституционный порядок, как [illegible] сту-пень [illegible] развития. Она [illegible] современных отношениях [illegible] организовать [illegible] [illegible]тизмом, [illegible] противоположность [illegible] интересам [illegible] буржуазии, как выражается Маркс и Энгельс в [illegible] Коммунистическом Манифесте. Одним словом, [illegible] социал-демократами. [illegible] [illegible]

[illegible]

русских революціонеров. Но лишь только центр тяжести всего движенія перенесется в рабочую среду, — интересы пролетаріата по необходимости станут главным, или вѣрнѣе, единственным критеріем при оцѣнкѣ всяких программ и ученій. Тогда впервые явится настоящее, широкое соціалистическое движеніе на Руси, и тогда, повѣрьте, не долго продержится русскій абсолютизм! Рабочій Петр Алексѣев недаром говорил в своей рѣчи перед особым присутствіем Правительствующаго Сената, что „когда подымется мускулистая рука рабочаго, то окруженное солдатскими штыками зданіе абсолютизма разлетится в прах!"

Плеханов.

Библиотека Института Ленина